

УДК 94(571.5)

DOI: 10.17223/19988613/64/2

Л.В. Кальмина

«ЕВРЕЙСКАЯ» ПОЛИТИКА СИБИРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ: ОТКЛОНЕНИЕ ОТ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ»

Исследование выполнено в рамках проекта XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

Анализируется роль собственных представлений сибирских чиновников высшего звена в процессе изменения «еврейского» законодательства. Хотя они действовали в русле имперской «еврейской» политики, их предложения нередко отклонялись от официального курса в сторону ужесточения или, напротив, облегчения правового положения евреев. Это было продиктовано местными реалиями, личным опытом сибирских администраторов, приобретенным на службе, и их видением роли еврейского населения в жизни сибирского общества.

Ключевые слова: генерал-губернатор; губернатор; евреи; законодательная инициатива; сибирская черта оседлости; расселение; право передвижения.

Пребывание евреев в Сибири поставило вопрос об их специальных правах. Регион с особым статусом места ссылки и одновременно территории интенсивной колонизации, с которой правительство связывало свои амбициозные планы, стал объектом самостоятельного «еврейского» законодательства, отличного от такового в западных губерниях империи. Во всех узаконениях и распоряжениях Сибирь определялась как одна из местностей, «в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила», при том что почти ни в одном из законов, регламентирующих права евреев, не встречается выражение «кроме Сибири» [1. С. 142]. Два закона можно считать опорными «столбами» сложной конструкции сибирского «еврейского» законодательства. Первый – Высочайше утвержденные правила от 15 мая 1837 г., в соответствии с которыми Сибирь фактически стала регионом, «свободным от еврейского элемента». Закон «решительно и навсегда» прекращал поселение евреев в Сибири, за исключением сосланных по суду за уголовное преступление или в административном порядке за «порочное поведение», да и то только в возрасте старше 40 лет. Второй – Положение Комитета Министров от 11 ноября 1847 г., предписывавшее оказавшимся в Сибири евреям не покидать место своего поселения, которое должно считаться постоянной для них оседлостью [2. С. 410, 677–678]. Подобное ограничение не практиковалось по отношению ни к какому другому этносу.

«Еврейское» законодательство в Сибири исполнялось, однако, с разной степенью служебного рвения, что в значительной степени зависело от личности исполнителя. Мы не склонны абсолютизировать эту зависимость, но при этом должны признать, что собственные представления сибирских администраторов о решении «еврейского вопроса» на вверенных им территориях, продиктованные полученным воспитанием, прежним опытом, степенью поражения антисемитизмом, а также сложившимися в обществе стереотипами, в ряде случаев существенно «корректировали» импер-

ские установки. При отдаленности окраинных территорий от центра, невозможности быстрого согласования управленческих решений и больших полномочиях, которыми были облечены сибирские администраторы, они могли существенно облегчить или, напротив, усложнить жизнь еврейского населения (в судьбе других этносов собственные предрассудки сибирских чиновников также играли немалую роль) [3. С. 37–40].

Предметом нашего исследовательского интереса стал субъективный взгляд на «еврейский вопрос» высших сибирских чиновников – губернаторов и генерал-губернаторов, отклонение их собственных представлений от установок действующего законодательства в ту или другую сторону. Как правило, чиновники излагали в официальной переписке свою точку зрения в ожидании поддержки вышестоящих, а в ряде случаев самостоятельно действовали в соответствии со своим видением проблемы. Иногда настойчивость и логика аргументации в конечном итоге облекали их идеи в форму закона.

Настойчивый законодатель

О четко выраженной «еврейской» политике в сибирском регионе можно говорить начиная с правления Н.Н. Муравьева, который стоял во главе генерал-губернаторства Восточной Сибири с 1847 по 1861 г. Главное ее положение – определение принципа расселения евреев, с тем чтобы их «вредное влияние» на коренное сибирское население свести к минимуму.

Уже упоминавшийся Закон от 15 мая 1837 г. предписывал селить ссыльных евреев компактными поселениями только за Байкалом и в Якутской области. Однако о невозможности его исполнения уездные исправники стали докладывать генерал-губернатору практически сразу: из-за старости и неспособности ссыльных евреев к занятиям земледелием они в большинстве своем бродяжничали либо находились в услужении. Выход из этой неприглядной ситуации

виделся только один – приписывать евреев к местам, заселенным сибирскими старожилами [4. Оп. 1. Д. 7145. Л. 68; Д. 7200. Л. 20, 46]. Поначалу Н.Н. Муравьев противился столь грубому нарушению закона и требовал «причисление евреев к селениям старожилов Забайкалья как меру, не согласную с законом и вредную по своим последствиям, безусловно прекратить» и приступить «к водворению сих евреев отдельными селениями» [Там же. Д. 7145. Л. 6; Д. 7200. Л. 71]. Однако, изучив ситуацию, он убедился, что мест, никем не заселенных, но пригодных для жилья, в Якутской области практически нет. В распределении же евреев только в Забайкалье Н.Н. Муравьев тоже не видел решения проблемы: по его мнению, территория за Байкалом и так была чрезмерно «отягощена евреями», поскольку ссыльнопоселенцев отправляли туда без ограничения. Строгое соблюдение закона, предписывавшего расселять евреев в отдаленных и пустынных местах вдали от местного населения, потребовало бы огромных затрат казны на их обустройство, но и это вовсе не гарантировало их пребывания в местах, совершенно лишенных нормальных условий для жизни.

Обнаруженная нами в архивах переписка по этому вопросу между Н.Н. Муравьевым, Собственной Его Императорского Величества Канцелярией, Министерством государственных имуществ и генерал-губернатором Западной Сибири А.Х. Гасфортом продолжалась с 1852 по 1859 г. Все инстанции, кроме генерал-губернатора Восточной Сибири, были заинтересованы в сохранении прежнего порядка расселения евреев в Сибири, хотя и руководствовались разными побуждениями. Министерство и Канцелярия твердо стояли на страже закона. Министерство доказывало Муравьеву, что, поскольку при престарелых еврейских ссыльных не остается взрослых детей (они подлежали возврату в черту оседлости, а в случае отказа – определению в военные кантонисты), стремительного увеличения евреев во вверенном ему крае можно не опасаться, и советовало найти способ для их «пропитания». Канцелярия настойчиво требовала поиска мест, удобных для развития сельского хозяйства, игнорируя возражения Н.Н. Муравьева об ограниченном числе территорий, никем не заселенных, но пригодных для жизни [5. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 11–12, 33, 81]. Генерал-губернатор Западной Сибири А.Х. Гасфорт, больше всего опасавшийся расселения евреев по всей Сибири, как предлагал Н.Н. Муравьев, нашел «неопровержимый» аргумент: «...цивилизующийся край» (т.е. Западную Сибирь) необходимо освободить «от порочных евреев, размножение коих могло бы препятствовать улучшению его благосостояния и охранению в нем должного порядка» [Там же. Л. 238].

Понадобилось семь лет, чтобы официальный Петербург понял: найти подходящие места для поселения евреев без значительных издержек будет крайне затруднительно, а немолодые люди вдали от общества, без поддержки семьи и без навыков обработки земли обречены на голодную смерть. 26 июля 1859 г. из Собственной Канцелярии Его Императорского Величества в адрес Министерства государственных имуществ было отправлено письмо за подписью управляющего ее

II Отделением графа Д.В. Блудова, в котором он поддержал предложения Н.Н. Муравьева. Граф настаивал, что по опыту других мест знает: «...евреи упорно сохраняют свою национальную исключительность» при обособленном поселении. Будучи же «под непрерывным влиянием других нравов и обычаев... с течением времени теряют многие из самых дурных свойств своего характера и мало-помалу подчиняются до некоторой степени условиям и требованиям окружающего их быта». Досталось и А.Х. Гасфорту: Д.В. Блудов отстаивал право Восточной Сибири развиваться в той же мере, что и Западная, и доказывал, что обе части Сибири в равной степени должны нести нелегкое бремя ссылки [Там же. Л. 262–263]. Самый любопытный момент заключается в том, что с именем Д.В. Блудова связан закон от 15 мая 1837 г., регламентировавший компактное поселение евреев вдали от сибирских старожилов, основные положения которого он сам теперь и предлагал отменить [6. С. 398].

Идеи Н.Н. Муравьева были положены в основу Закона от 12 июня 1860 г., согласно которому ссыльные евреи расселялись по всей территории Сибири, за исключением стоверстной приграничной полосы, не обособленными поселениями, а в деревнях сибирских старожилов. Хотя по долгу службы генерал-губернатор был обязан обеспечивать «неприкосновенность верховных прав самодержавия» и соблюдение «законов и распоряжений высшего правительства» на окраинной территории [7. С. 31, 33], он фактически положил начало отклонению от «генеральной линии» в «еврейском вопросе» в Сибири.

«Служаки» от законотворчества

Если по вопросу въезда евреев в Сибирь взгляды сибирских чиновников практически не отличались (все они считали, что въезд, безусловно, следует ограничить), их представления о регламентировании жизни евреев, уже оказавшихся в Сибири, различались существенно. В соответствии с этими представлениями мы условно разделили авторов законодательных инициатив на две группы: либералы, считавшие необходимым облегчить положение сибирских евреев, и «служаки» – те, кто в стремлении сделать карьеру придумывали все новые законодательные ограничения для сибирских евреев, полагая, что такая инициатива им непременно зачтется. В их глазах выселить два десятка законно живущих в Сибири евреев было куда меньшим грехом, чем упустить одного, проникшего на ее территорию незаконно.

Среди «служаков» мы бы прежде всего выделили Енисейского губернатора М.А. Плева, автора наиболее радикальных предложений, которые он изложил в датированном 1901 г. письме к Иркутскому генерал-губернатору А.И. Пантелееву. Для уменьшения численности евреев в своей губернии (распространять такое предложение на всю Сибирь ему было не по чину) он предлагал отменить для них ссылку, заменив ее тюремным заключением или арестантскими ротами в черте оседлости, поскольку именно ссылка и является главным способом увеличения в Сибири «еврейского

элемента». Добровольно вернувшись в черту оседлости евреям М.А. Плец предлагал предоставлять отсрочку от призыва в армию. Таким образом, не в меру ретивый губернатор фактически предлагал вернуться к закону от 15 мая 1837 г., заменявшему евреям до 40 лет ссылку другими видами наказания. Даже генерал-губернатор А.И. Пантелеев весьма скептически отнесся к предложениям своего подчиненного, оставив на полях его письма язвительные комментарии относительно «коренного изменения лестницы наказаний по отношению к одной национальности» [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 247, 250–251].

Предложения Иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина относились к разряду приобретенных силу закона. В отличие от Н.Н. Муравьева он не добивался изменения законодательства, а просто чутьем опытного чиновника уловил ужесточение «еврейской» законодательной стратегии, характерное для правления Александра III. Циркулярное распоряжение А.Д. Горемыкина от 18 сентября 1891 г. о выдворении всех евреев к месту приписки, в том числе и проживших в нынешнем месте жительства десятки лет, на несколько лет опередило Указ Правительствующего Сената о «прикреплении» евреев к месту причисления [9. Оп. 1. Д. 2864. Л. 47]. С подачи генерал-губернатора Иркутский губернский совет внес в свое решение пункт о лишении права свободного передвижения по Сибири отбывших срок наказания евреев, хотя по закону ссыльные по истечении определенного судом срока этим правом обладали и нигде в законодательстве какого-либо ограничения по вероисповедному признаку не зафиксировано. Однако губернский совет шел в русле, указанном начальником: уж если обладающие всеми гражданскими правами евреи не могут свободно передвигаться по территории Сибири, не следует предоставлять это право и ссыльным евреям, «наиболее опасным для населения» [4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 9–10].

В 1896–1897 гг. Правительствующий Сенат вынес два решения, согласно которым во изменение прежней многолетней практики евреи в Сибири не могли проживать вне места приписки. Прикрепление к определенной территории по профессиональному признаку позволило нам ввести в научный оборот понятие «сибирской черты еврейской оседлости» [10. С. 51–53, 59], которая в Сибири проявилась даже в более жестком варианте, чем в европейских губерниях. Территориально Сибирь оставалась «за чертой», но фактически каждый еврей-сибиряк приобрел здесь собственную «черту».

Свое прочтение закона продемонстрировал и Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов, пребывавший в уверенности, что «несправедливо освящать давностью право проживания евреев, которое они приобрели захватным, вполне незаконным способом» [8. Оп. 9. К. 916. Д. 12. Л. 28]. Его выселенческие кампании отличались большим размахом. Циркуляр П.А. Столыпина от 22 мая 1907 г., предписывавший выселять всех евреев, поселившихся вне мест причисления после 1 августа 1906 г., фактически развязал ему руки, хотя, по сути, он был смягчающим, разрешавшим евреям жить вне мест приписки, если они поселились там давно. За че-

тыре года своего правления, по данным исследователей, только из Иркутска А.Н. Селиванов выселил около 1,5 тыс. человек [11. С. 152]. Конечно, это не было лишь его личной инициативой, но он был из тех чиновников, которые любое сомнение толковали не в пользу проверяемого. Соблюдением формальностей генерал-губернатор себя не обременял, но к делу подходил «ответственно»: даже с ходатайством о разрешении лечиться на курорте Усолье по медицинским показаниям каждый еврей должен был обращаться лично к нему. Не имевшие права жительства в Сибири, как правило, получали отказ [9. Оп. 1. Д. 4972. Л. 4, 6, 8, 16, 29]. По мнению историков Иркутской общины, А.Н. Селиванов в каждом еврее видел личного врага и не скрывал своих намерений «искоренить» еврейское население Иркутска [11. С. 144].

Все сибирские чиновники, «корректировавшие» закон в сторону ужесточения, ничем не рисковали. В худшем случае им могли попенять за суровость, но чаще их представляли, хоть и отклонявшиеся от имперских установок, одобрялись, поскольку работали на поставленную официальным Петербургом цель – сокращение числа евреев в Сибири.

Носители свободомыслия

Из чиновников-либералов генерал-губернаторского звена следует выделить Иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева. В отличие от А.Д. Горемыкина А.И. Пантелеев совершенно спокойно относился и к пребыванию евреев в Сибири – даже если они въехали туда самовольно, но прожили там не менее 10 лет, и к их жительству вне мест причисления при условии, что они занимаются полезным для общества трудом. В его Всеподданнейшем отчете за 1900–1901 гг. указано, что в местах причисления пребывает менее половины всех евреев, однако число лиц иудейского вероисповедания, замеченных в противоправной и предосудительной деятельности, совершенно ничтожно. Снисходителен был А.И. Пантелеев и к противозаконным отлучкам евреев с мест причисления, поскольку они «не только не приносят населению особого или большего, чем в других местностях империи, вреда, но даже полезны в качестве ремесленников и мелких торговцев, понижающих путем конкуренции высокие цены на предметы первой необходимости». Вредными для местного населения генерал-губернатор считал только евреев, прибывающих в Сибирь на короткое время, поскольку видел в них не желающих здесь прочно обосноваться, а лишь стремящихся захватить в свои руки новые отрасли торговли и промышленности [12. С. 71]. Расходился он со своим предшественником А.Д. Горемыкиным и в трактовке понятия «место причисления». В письме в Министерство внутренних дел А.И. Пантелеев выразил мнение, что понимание «места оседлости» в самом узком ограничительном смысле (города или селения) «представляется нежелательным и ведет к невозможности осуществления евреями даже тех ограниченных прав, которые прямо представлены законом». По его мнению, представителям торгового сословия следовало выдавать торговые документы без

ограничения, поскольку длительная процедура получения таковых для выезда на собственное предприятие вне места причисления затрудняет развитие торговли. Для механиков, винокуров и возчиков он даже предлагал расширить понятие «место приписки» до границ генерал-губернаторства, что уж слишком далеко выходило за рамки предписанного законом. Из отчетов А.И. Пантелеева видно, чем он руководствовался в своем либерализме. Во-первых, он не мог не заметить той значительной роли, которую сыграли евреи в экономическом развитии края, а потому выступал против чрезмерных ограничений в их передвижениях. Во-вторых, он полагал, что евреи, ограниченные в выборе деятельности из-за необходимости все время находиться в одном месте, все равно найдут способ отлучиться с места приписки или «обратятся для пропитания к предосудительным занятиям» [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 259, 384–385; 12. С. 71–72].

Через год граница «черты оседлости» для сибирских евреев была расширена до уезда. У нас нет прямых доказательств, что это было сделано с подачи А.И. Пантелеева. Но здравый смысл, заключенный в его предложениях, не мог не быть замечен, что и послужило причиной нового толкования «места еврейской оседлости» в сибирском законодательстве.

Не будем идеализировать: А.И. Пантелеев был чиновником, поставленным «на хозяйство» для проведения политики самодержавия на окраине империи, в том числе и в «еврейском вопросе». Так же, как и все генерал-губернаторы, он был против бесконтрольного доступа евреев в Сибирь. Точно так же опасался, что «зарождающиеся в этом крае новые многочисленные отрасли торговли и промышленности, несомненно, привлекут такую массу лиц иудейского вероисповедания, что контроль за их деятельностью станет невозможным». Так же, как его предшественники и последователи, он уделял первостепенное внимание проверкам законности проживания евреев и в своих инструкциях по их проведению требовал от подчиненных использования для этого всех имеющихся в их распоряжении сил – от уездной полиции до органов сословного самоуправления [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 387–388; 13. Оп. 1. Д. 9. Л. 24–25]. Однако период правления А.И. Пантелеева не был отмечен массовыми выселениями, а наиболее ретивых губернаторов, бросающихся выселять всех евреев после каждого указания о сборе статистических сведений о них, регулярно одергивал, разъясняя, что подобные распоряжения не должны «служить поводом к принятию мер против этих лиц» [8. Оп. 9. К. 916. Д. 12. Л. 298; 14. Оп. 1. Д. 2454. Л. 2]. По воспоминаниям современников, он был человек «не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума (человек без академического образования), но весьма воспитанный» [7. С. 120].

Однако самым большим вольнодумцем в еврейском вопросе был Якутский губернатор В.Н. Скрипицын, имевший собственную позицию по многим правовым вопросам. В архивах Иркутска и Якутска сохранились его адресованные А.И. Пантелееву размышления, во многом противоречившие официальному «еврейскому» законодательству.

В отличие от других территорий Сибири в Якутии почти не было «вольно зашедших» евреев. Практически все они оказывались здесь на законных основаниях – как ссыльные, статус которых и, соответственно, отношение к ним властей были четко определены. Однако после окончания срока ссылки рождалось множество вопросов, которые выходили за рамки единичных случаев и требовали разрешения. Мы выделили четыре проблемы, которые обозначил Якутский губернатор.

Первая – судьба евреев, отбывших ссылку. В соответствии с законом они были обязаны вернуться в черту оседлости. Хотя согласно Манифесту 15 мая 1883 г. ссыльные через 9 лет после перечисления в податное сословие имели право избрать себе место жительства (за исключением столиц и столичных губерний), евреи этого права были лишены решением I Общего собрания Правительствующего Сената от 20 мая 1887 г. Фактически это дарованное царем послабление для облегчения участи ссыльных превратилось в источник нового наказания евреев – опять ссылки, на этот раз в черту оседлости, куда они вовсе не рвались, так как за время пребывания в Сибири успевали обзавестись семьей, хозяйством и найти постоянный заработок. Поставив этот вопрос, В.Н. Скрипицын предложил свой вариант его решения: «Евреи, сосланные за государственные преступления, обыкновенно тотчас по истечении срока гласного надзора или обязательного пребывания выезжают из области навсегда, а потому и устройство их быта не требует никаких... изменений в действующих узаконениях, – писал он А.И. Пантелееву. – Совершенно противоположное представляет положение евреев, водворение которых в области вызвано ссылкой их самих или их родителей административным порядком и по суду... Ссыльные эти и их дети... по-видимому, прервали всякую связь с родиной. По крайней мере, ходатайства о возвращении на родину со стороны таких евреев составляют редкое исключение». Отмечая, что в большинстве своем возвращение на родину для еврея, оседло устроившегося в ссылке, представляет мало заманчивого и даже напротив, порой грозит разорением, а выехавшие вместе с семьями часто возвращаются назад, губернатор видел выход в предоставлении евреям, фактически проживающим в городах, разрешения причисляться к местным городским обществам и свободно передвигаться по области [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 366]. Предложение почти революционное, если учесть, что перемещение сибирских евреев без специального разрешения ограничивалось рамками округа (уезда), а до 1902 г. – только города или волости.

К этому вопросу примыкал второй – право проживания евреев в губернских и уездных городах. С одной стороны, указом Правительствующего Сената от 8 февраля 1902 г. специальной чертой оседлости для еврея был определен округ / уезд, к которому он был приписан. С другой – не было полной ясности, можно ли включить в эту «черту» областные (губернские) и окружные (уездные) города или же следует ограничить проживание евреев самими округами (уездами). Губернатор считал, что признание права проживания в областном городе евреев, после отбытия наказания

перечисленных в податные сословия, так же как и полноправных сибирских евреев, – куда меньшее зло, чем самовольное, в обход всех правил, поселение их в Якутске, поскольку они поднаторели в нарушении правил поселения. Вопреки практиковавшейся политике ограничения поселения евреев в крупных городах В.Н. Скрипицын оправдывал концентрацию евреев в Якутске «положительным отсутствием каких бы то ни было заработков в инородческих улусах и малолюдных поселках» и тем фактом, что евреи, городской сегмент сибирской ссылки, к сельским занятиям просто не способны [8. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 363; 15. Оп. 2. Д. 4444. Л. 36]. Даже при оговорке В.Н. Скрипицына, что каждый случай поселения еврея в областном городе должен рассматриваться в индивидуальном порядке с учетом давности его пребывания в городе, семейного положения и рода занятий [15. Д. 8869. Л. 63, 89, 100], это было достаточно смелым предложением, поскольку закон, напротив, ограничивал поселение евреев в крупных городах.

Проблема третья – как поступить с евреями, которым местное общество отказывает в приемном приговоре. Речь шла не только о самих ссыльных, но и об их взрослых детях, которые ссыльными как таковыми не были, но теряли право жительства в Сибири после смерти отца. В ответе на вопрос о судьбе ссыльных, которым было оказано в приемном приговоре и в Сибири, и в черте оседлости, губернатор был категоричен: причислять их к русским волостям без согласия местного населения. Относительно судьбы детей ссыльных все было гораздо сложнее. Закон запрещал ссыльным брать с собой сыновей старше пяти лет. Однако требование это часто не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше дозволенного законом, впоследствии причисленных казенными палатами к местным податным обществам. В 1894 г. по распоряжению Министерства финансов их как незаконно прибывших в Сибирь отчислили из податных обществ, но из Сибири не выселили «впредь до разрешения... вопроса о правах евреев» [13. Оп. 1. Д. 9. Л. 19]. Сложилась парадоксальная ситуация: еврейские юноши, жители Сибири, не были причислены вообще ни к каким податным обществам ни в Сибири, ни в черте оседлости, поскольку не имели приемных приговоров. Из-за десятилетия ожидания «решения вопроса законодательным порядком» империя получила значительное число молодых людей, не выполнявших воинскую повинность и не плативших податей. 22 апреля 1903 г. Высочайшим повелением, наконец, было определено право еврейских юношей приписываться к податным обще-

ствам даже без согласия последних [15. Оп. 2. Д. 4444. Л. 37]. Закон был принят вне зависимости от предложений В.Н. Скрипицына, который пришел к такому заключению самостоятельно. Государство было обеспокоено сложившейся ненормальной ситуацией «ухода» от налогов значительной массы населения, от чего казна несла большие убытки. Этим же повелением было разрешено следовать за осужденными в ссылку евреями их сыновьям в возрасте до 14 лет – с условием рассмотрения каждого случая отдельно и по особым ходатайствам. Однако это не решало проблемы: не имеющий обратной силы закон оставлял еврейских юношей в возрасте от пяти до 14 лет, пришедших в ссылку за отцами до 1903 г., в положении правонарушителей, которых в любой момент могли выселить из Сибири. Желая облегчить участь молодых евреев, выросших в Якутской области, нередко уже оседло устроившихся и чуждых еврейской среды внутренних губерний, В.Н. Скрипицын предложил применять это послабление и по отношению к тем, кто оказался в Якутской области задолго до 1903 г. [Там же].

В.Н. Скрипицын имел свою позицию и по вопросу отлучек евреев в другие области Сибири и в черту оседлости. Обсуждая проблему, он предлагал ответ на два вопроса: во-первых, имеют ли евреи право отлучки в черту еврейской оседлости? во-вторых, на какой срок можно позволить им уехать? В соответствии с законодательством отлучиться можно было не более чем на два месяца. Однако, по мнению губернатора, который в праве еврея проследовать во внутренние губернии России не сомневался, этот срок был совершенно недостаточным, поскольку только дорога туда и обратно занимала не менее двух месяцев, да и то в благоприятное время года. «Минимальный срок для Якутской области необходимо установить двойной, т.е. в четыре месяца», – предлагал губернатор. Он также был за то, чтобы увеличить срок для поездки в Иркутск, бывший для якутских евреев ближайшим пунктом торговых сделок, хотя бы до трех месяцев «ввиду затруднительности путей сообщения» [Там же. Л. 35].

Предложения В.Н. Скрипицына слишком уж отклонялись от «генеральной линии», поэтому большинство из них не нашли поддержки даже у А.И. Пантелева, отличавшегося в «еврейском вопросе» известным либерализмом. Парадокс заключался в том, что некоторые из них фактически были поддержаны официальным Петербургом, хотя и не из желания облегчить положение многотысячного сибирского еврейского населения, а из соображений логики и здравого смысла, которого в «еврейском» законодательстве было мало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальмина Л.В. «Проблемный» этнос: апофеоз дискриминации (особенности сибирского «еврейского» законодательства) // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Сер. «Азиатская Россия» / отв. ред. И.Л. Дамешек, Ю.А. Петрушин. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2008. С. 139–148.
2. Полный хронологический сборник законов и положений, касающийся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649–1873. Извлечения из Полных собраний законов Российской империи / сост. В.О. Леванда. СПб. : тип. К.В. Трубникова, 1874. 1158 с.
3. Шостакович Б.С. Представители местной администрации и политические ссыльные в Восточной Сибири XIX века (по мемуарным источникам) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 35–42.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о).

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383.
6. Кальмина Л.В. Закон 12 июня 1860 года как результат провала сибирской «еврейской» законодательной политики 1837 года // Материалы Тринадцатой ежегодной междунар. междисциплин. конф. по иудаике. М., 2006. С. 393–399. (Акад. серия, вып. 20).
7. Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. Иркутск : Оттиск, 2011. 128 с.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25.
9. ГАИО. Ф. 32.
10. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
11. Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск : Изд-во Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общества распространения просвещения между евреями в России, 1915. 390 с.
12. Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900–1901 гг. Иркутск, 1901. 87 с.
13. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 477-и.
14. ГАИО. Ф. 91.
15. НАРС(Я). Ф. 12-и.

Lilia V. Kalmina, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kalminal@gmail.com

SIBERIAN GENERAL-GOVERNOR'S JEWISH POLICY: GENERAL TREND DEVIATION

Keywords: General-Governor, Governor, Jews, legislative initiatives, Siberian pale of settlement, settling, change of residence.

The present article is the outcome of long investigation of a subjective factor role in Siberian Jewish Legislation development. The author is analyzing some top class Siberian officials' opinions on the Jewish issue, legislation initiatives being formed in accordance with it.

The basic investigation sources were introduced from the materials of one central and three regional archives containing business correspondence of Siberian General-Governors and Governors in which they displayed their thoughts about the rules for Jewish settlement in Siberia, resolutions of Governors and Principal Councils, later acknowledged (or not acknowledged) as laws. The examination of sources allowed to reveal stimulating reasons for any proposition, their efficiency or absurdity, official Petersburg's relation to regional initiatives.

Obscurity and complexity of Jewish legislation was deepened by the fact that Siberia happened to be the territory with special rules for Jewish settlement. The reason was, first of all, in the fact that Jews could come to Siberia as exiled on the whole and so they were frustrated twice as exiled and Jews properly speaking; in general, they were limited in rights on the whole territory of the Russian Empire.

In the course of investigation the author came to the following conclusions:

though Siberian officials activities was loyal to imperial policy, remoteness of Siberian outskirts and impossibility to get orders from Petersburg promptly let Siberian administrators interpret legislation articles themselves in accordance with established ideas in the public opinion and their own views.

Due to this, top class Siberian officials may be conventionally divided into two groups: liberals being eager to relieve Siberian Jews status and campaigners stick to antisemitism, interpreting legislation in order to tighten it, their initiatives worsening still hard Siberian Jews way of life.

Initiatives of both groups often got the power of the law. To give them official status imperial power was guided with two often contradictory factors. The first one – general Jewish issue strategy immediately accepted in the regions. Imperial legislation tightening in connection with Jews led to their rights limitation in regions. The second one – taking into consideration Siberian Governors and General-Governors' points of view, they knew all the aspects of Siberian countryside better and could suggest more reasonable variants.

REFERENCES

1. Kalmina, L.V. (2008) "Problemnyy" etnos: apofeoz diskriminatsii (Osobennosti sibirskogo "evreyskogo" zakonodatel'stva) [The problematical ethnos: apotheosis of discrimination. (Peculiarities of Jewish Siberian legislation)]. In: Dameshek, I.L. & Petrushin, Yu.A. (2008) *Rossiya i Sibir: integratsionnye protsessy v novom istoricheskom izmerenii (XVIII - nach. XX v.)* [Russia and Siberia: integration processes in a new historical dimension (the 18th – early 20th century)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya. pp. 139–148.
2. Levanda, V.O. (1874) *Polnyy khronologicheskiy sbornik zakonov i polozheniy, kasayushchih'sya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseye Mikhaylovicha do nastoyashchego vremeni. 1649-1873. Izvlecheniya iz Polnykh sobraniy zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete chronological collection of laws and states related to the Jews from Legislation of Tsar Aleksey Mikhaylovich till nowadays. 1649–1873]. St. Petersburg: tip. K.V. Trubnikova.
3. Shostakovich, B.S. (1988) *Predstaviteli mestnoy administratsii i politicheskie slyl'nye v Vostochnoy Sibiri XIX veka (po memuarnym istochnikam)* [Representatives of regional administration and political exiles in Eastern Siberia (from memoir sources)]. In: *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX veka* [Autocracy in Siberia of the 19th and early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 35–42.
4. The State Archive of Transbaikal Territory (GAZK). Fund 1(o).
5. The Russian State Historical Archive. Fund 383.
6. Kalmina, L.V. (2006) *Zakon 12 iyunya 1860 goda kak rezul'tat provala sibirskoy "evreyskoy" zakonodatel'noy politiki 1837 goda* [The law of June 12, 1860 as a result of the failure of the Siberian "Jewish" legislative policy of 1837]. In: Burmisrov, K.Yu. (ed.) *Materialy Trinadtsatoy Ezhegodnoy Mezhdunarodnoy Mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike* [Proc. of the Thirteenth Annual International Interdisciplinary Conference in Judaica]. Moscow: Sefar. pp. 393–399.
7. Dameshek, L.M. (2011) *Instiut general-gubernatorov Aziatskoy Rossii i ego osobennosti* [The Asian Russian General-Governors' Institute and its peculiarities]. Irkutsk: Ottisk.
8. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25.
9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 32.
10. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (sередina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [The Eastern Siberian Jewish communities (the middle of the 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
11. Voytinsky, V. & Gornstein, A. (1915) *Evrei v Irkutске* [The Jews in Irkutsk]. Irkutsk: the Economic Board of the Irkutsk Jewish Prayer House and the Irkutsk Department of the Society for the Promotion of Education between Jews in Russia.
12. Russia. (1901) *Vsepoddanneyshiy otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1900 – 1901 gg.* [Irkutsk General-Governor's Report for 1900–1901]. Irkutsk: [s.n.].
13. The National Archive of Sakha (Yakutiya) Republic. Fund 477-i.
14. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91.
15. The National Archive of Sakha (Yakutiya) Republic. Fund 12-i.